

Эм. БЕСКИН

«Кофта» Маяковского и «скандалы» Есенина

Представителей революционного искусства, в лице его производственников и теоретиков, часто спрашивают «весьма солидные» люди — почему к ним близки, почему они не отмежуются категорически «от этих скандалистов», всяких там «имажинистов» и т. п.

— Ну что у вас общего с «желтой кофтой»?..

Эта «желтая кофта» Маяковского не дает им спать, она фигурирует неизменно.

Мы могли бы на это ответить весьма просто:

— Милостивые государи и милостивые государыни, леди и джентльмены, ведь «скандал» вещь весьма и весьма относительная. Если бы рабочий в своей повседневной блузе, — не желтой, а, скажем, синей, — появился лет этак с десять тому назад в театре, Вы бы, несмотря на весь свой «демократизм» и «парламентаризм», сочли бы сие — скандалом; оскорблением «святыни», нарушением «необходимых приличий» и проч., и проч., и проч. Но рабочий не посмел бы тогда и подумать о такой «дерзости», а вот Маяковский, — не рабочий, интеллигент, — посмел и дал «пощечину хорошему вкусу».

Дело, конечно, не в «желтой кофте». И не ее мы собираемся защищать.

Но вот, когда этот самый «скандалист» Маяковский, столь запомнившийся вам по «желтой кофте», а по существу ненавистный вам за те, подчас гениальные стихи-дубинки, которыми он бьет по устоям прошлого, когда этот Маяковский приехал в Ригу и хотел прочесть лекцию, ему напомнили хорошо знакомое:

— Осади!

— Почему?

— Вы футурист!
 — Но позвольте!
 — Не позволим! У нас футуризм отменен...

Так и не позволили.

Отменен — и никаких.

А вот другой «скандалист» — талантливый Есенин. Он осмелился, явившись в Берлине, в русский «Дом Искусств», потребовать исполнения «интернационала». Присутствовавшие были, конечно, страшно шокированы таким «скандалом» и выразили свой протест шиканьем «рабочему гимну».

Шикали «страшно честные» и «культурные» поборники всяких «свобод» и «священных основ духа»...

— Ах, — скажут они нам, — разве мы против «интернационала», мы за свободу мнений, но ведь в «повестке дня» не было «интернационала»... Поймите, не было в повестке...

«Повестка» виновата... Маяковский сунулся в Ригу, не спросив «повестки дня», а Есенин — в берлинский «Дом Искусств». О, скандалисты! Как же можно — парламентский режим, порядок, всяческая культура и вдруг без... повестки.

Осрамили на весь мир!

Я взял два примера из «хроники» последних дней. Из газет. Не выбирая.

А теперь маленький экскурс назад.

Революция безжалостно расслаивает общественные группировки. Обнажает их до социальной сущности. Срывает маски.

Где «великая неделимая единая нация»? Неделимая оказалась делимой на — революцию и контрреволюцию. Единая — превратилась в две, по две стороны революционной баррикады.

И все, что в недавнем прошлом, на подступах революции, способствовало такому расслоению (конечно, определено классовому), все те анархические «группы» и «группки», которые подтачивали фундамент вчерашней «повестки дня», которые логически доводили буржуазный вкус и психику до тупика отрицания, до «скандала», конечно, были нам ближе, чем «хорошо сшитые фракы» Поташей и Перламутров от искусства.

Футуризм — разрушал. И мы приняли его. Он буржуазен по паспорту — ну так что ж. И пролетариат родила буржуазия. Она — его физический родитель. Это процесс диалектики. Процесс столкновения противоречий. Процесс борьбы на изживание, на преодоление.

Московские футуристы, эпатируя буржуазию, «скандалили»: — «Вашему Апполону пора умереть, у него подагра!»...

Мы потирали руки: идет процесс разложения буржуазной эстетики. Хлебников «ссылал Венеру Милосскую в тундру». Прекрасно. И в этом «скандале» анализирующая мысль умела находить закономерность поступательного движения, развития. Сии «скандалы» — конечно, классовый, буржуазный «бунт». И пусть. Но он по диалектическому пути к «революции».

Часть бунтарей классовой грани не пройдет. Не примет революции. Но пока они тактические попутчики. Как был попутчиком грядущего Октября и отрицаемый им программно, но используемый — парламентаризм.

Игорь Северянин остался в черном стане. И не мог не остаться. Но когда нам нужно было доказать, что все наши ощущения материальны, что психика наша не свободна, а определяется классовыми, экономическими, общественными отношениями, мы имели в Игоре Северянине «наглядное пособие» для изучения «классовой поэзии» эго-футуризма.

Примеры. Возьмем хотя бы уж такую «аполитичную» тему — свободное, гордое человеческое «я» на фоне вечной природы. Слияние с ней. И т. д., и т. д. Попробуйте подкопаться — какая тут классовая психология. Чистая поэзия. И когда Северянину колышущаяся нива напоминает «золотые галуны», а шелест листьев — «зеленый вальс», он и иже с ним, уверены, что и тут все от господина Бога, открывающегося своему избраннику-поэту. Но, увы, от «золотых галунов» так разит милитаризмом и генеральскими погонами, а от зеленых вальсов так несет шелками и юбками синьориты За из «Аквариума»! Если это боженка — так свой... «Рот с первоклассными американскими золотыми зубами».

И весь «эгофутуризм» был слишком «золотой», слишком несло от него духами купеческих салонов и будуаров, слишком настойчиво и нагло вызывал он ассоциацию другого запаха — трудового пота все более закабаляваемых в «свободном правовом государстве» народных масс.

Когда на последней странице альманаха тех же эгофутуристов поэт Константин Олимпов сообщал, что он «носит воротничок Тореадор, размер 39 сантиметров», — для нас было совершенно ясно, что этот «скандал» есть классовое грубокопательство, что Константин Олимпов логически доводит до конца, до тупика индивидуалистическую психику. Уж куда идти дальше с торбой собственного «я», с этой конкуренцией духовно-промышленных мещан — «ношу воротнички Тореадор». «Гордому и свободному» поэту оставалось только указать адрес фирмы Тореадор...

Когда Крученых «скандалит» по-тарабарски:

Дыр бул щыл,
Ха ра ба у...

— этот «скандал» есть, по существу, анархически выраженный отказ от той «литературной» речи, которая и тогда уже звучала анахронизмом, «красивость» которой в ее медлительном ритме периодов, запятых и лощеных придаточных предложений, соответствовала вполне досугу старобарского, феодального строя, но никак не укладывалась в американский темп буржуазно-промышленного города.

Будем откровенны. Разве стиль Тургенева, стиль огромного художника, стиль еще, быть может, близкий нашим отцам, — разве он волнует нас сегодня? Конечно, нет. Он вне наших резонаторов, вне тех фактических отношений, которые определяют характер нашей речи, как величину переменную, относительную.

Разве не величайшая нелепость — в империалистическом котле предвоенного ажиотажа, переводившего буквально каждую минуту на деньги, когда над Москвой летают самолеты, а улицы бороздят автомобили, мы все еще продолжаем говорить языком «дормезов» и «бабушкиных кринолинов» — изысканно-эстетической речью дворянских гнезд». Оставалось бросить «бомбу», захрюкать —

Дыр бул щыл
Ха ра ба у...

Для «солидного мещанина» с Ильинки — скандал. Для поэта — бунт, неприятие старой речи. Разрушение старых слов. Новых слов еще нет, — «дыр бул щыл», — но нет и старых. Должны быть новые.

Крученому противен язык северянских «кокотес», весь этот «пшютизм», все эти «шансонетты» в «желтой гостинной из серого клена с обивкой шелковой»...

Он уже дальше... «Эх, вы, волдыри, эгоблудисты», — бросает он эгофутуризму... Он уж не умеет «грациозиться» в романтике «слюнявых поэт»...

Не важен, конечно, Крученых «сам по себе»... Не велик талант. Важно, что этот «скандалист», «анархист» конденсировал психику времени, порывая с канонами буржуазной кондитерской «красивости». Не наш, он — по пути к нам. Он таранил старую «повестку дня»... Он уже на повороте к Маяковскому к новой «повестке»...

У Северянина пролетевшая стрекоза — «грациозная кокетка». Он мыслит — «дамским» бельем. У Маяковского —

В небе, красный как марсельеза.
Вздрагивая околевал закат.

Академический пиетет к «вековечной природе», к «последнему лучу пурпурного заката» разбит. Иная психика. У поэта-буржуа — статика довольства, покоя, лирическо-сексуальная грусть. У Маяковского — борьба, вызов природе, твердая уверенность в победе над нею во благо человечества.

Еще в 1914 году (заметьте, в 1914 году!) Маяковский пишет:

Где глаз людей обрывается куцый —
Главой голодных орд.
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год...

В четырнадцатом году, когда «господа во фраках» из берлинского «Дома Искусств», разводили в столичных салонах Питера и Москвы «патриотическую сарабанку» — Маяковский уже ждал и верил в революцию 1916 года. И ошибся только на один год.

Он, «скандалист», дразнивший их, как матадор быка огненным стихом, выжигает в 1917 году:

Днесь над всеми, кто грызся, в любви изверясь,
Кто изнывал, копошился под звездной пылью —
Днесь небывалой сбывается былью
Социалистов Великая Ересь!

Вот почему мы Маяковского и в «кофте» и без «кофты», и Есенина со всеми его «скандалами» не променяем на всю сумму «хорошо сшитых фраков» зарубежных и отечественных «эстетов», таких «корректных» и таких «солидных».

